

Тарящие фантазии Карла Миллеса

Есть в Стокгольме остров-пригород. Называется он Лидингё. Соединён с континентом мостом, под которым проходят морские суда. На западной стороне острова, на высоком берегу, с видом на столицу, расположена одна из главных стокгольмских достопримечательностей, не увидев которой настоящему туристу просто стыдно уезжать из Стокгольма. Имя ее – Миллесгорден. «Горд» – по-русски «подворье, хутор». Похоже на наш «город». Кто знает, может, с учетом давних контактов русичей с викингами и есть здесь какое этимологическое родство. А «Миллес» – это Миллес, Карл Миллес, всемирно известный скульптор, один из главных обитателей шведского Пантеона искусств.

Когда едешь в машине на остров по лидинговскому мосту, справа от него, если знаешь, можно разглядеть Миллесгорден – дом Миллеса. Для непосвященного он малозаметен – скрыт расстоянием и сливается с рельефом. Но когда оказываешься на этом «подворье», трудно разобраться в калейдоскопе ощущений, накатывающих разом, подобно морской волне. Стокгольм и так-то тихий город, а здесь жизнь совсем застывает – как пленок на ядерном морозе. Извините, конечно, за стиль сравнения, однако, на мой взгляд, оно намного лучше других передает мгновенность метаморфозы, происходящей в момент, когда переступаешь порог этого храма искусства.

Как и подобает храму, Миллесгорден находится на горе, круто обрывающейся в море. У края – парапет, предупреждающий неосторожных туристов от падения и позволяющий, оперевшись на него, неспешно любоваться открывающимся видом. Если день ясный и светит солнце, непонятно, какое пред вами раскинулось море – Балтийское, Эгейское, Черное или какое-нибудь ещё из тех, что омывают теплые края Европы; вас окружают статуи – бронзовые, мраморные, в человеческий рост, колоссоподобные, одни – стоящие на открытом пространстве, другие – в обрамлении деревьев и кустов... Знакомому с Коктебелем, наверняка, вспомнится что-нибудь из Максимилиана Волошина, воспевшего античную красоту природы.

Но ушипнем себя, дабы прогнать морок сладкоголового юга и обратить взгляд на творения одного из художественных гениев Скандинавии. Ими наполнен им же при жизни созданный музей самого себя, который также при жизни он передал в дар своему народу.

«Подворье» Карл Миллес собрал по кусочкам. Женившись в 1905 году на Ольге Граннер, австрийской художнице-портретистке русского происхождения, с которой познакомился в Париже в 1899-м, он купил участок земли на Херсерюдскиппан – скале Херсерюд. Супруги намеревались построить на нем дом со студией. Строительство завершилось в 1908 году, а в 20-е годы появилась возможность приобрести еще один участок – соседний. Такое расширение позволило Миллесам создать просторный скульптурный парк – тот самый, куда сегодня может прийти всяк желающий.

Планы создания музея возникли у Миллеса еще во Франции, где он учился мастерству. Согласно его биографу Эрику Неслунду, в одном из писем будущей жене Миллес говорит о превращении парижской студии в музей. «Причина моего стремления осуществить эту идею, невзирая на большие расходы, состоит в желании оставить после себя что-нибудь красивое», – писал Миллес своему другу в год окончания работ над домом.

ДВЕ СТИХИИ, ПИТАВШИЕ МИЛЛЕСА

Берег Миллес, надо думать, выбрал не случайно. Дом на скале, над обрывом, так же, как и вилла известного промышленника-мецената Эрнеста Тилия, устремлялся – в полном соответствии с императивом Ницше – вверх, в небо. Кроме того, вид на воду – неиссякаемый источник идей и вдохновения.

«Ты не представляешь, как грандиозно море, – писал до этого Миллес Ольге из Нормандии. – Я не вижу ничего, кроме сине-зеленого моря, моря, моря и воздуха... Это та же са-

Вода и воздух – две стихии, питавшие Миллеса. Ему хотелось, чтобы его скульптуры преодолели притяжение земли, оторвались от нее и воспарили над миром и водой.

мая вода, что омывает Америку, те же волны, что накатывают на берег Англии, Испании и Португалии, та же соль, что и у воды, окружающей Африку».

Вода и воздух – две стихии, питавшие Миллеса. Ему хотелось, чтобы его скульптуры преодолели притяжение земли, оторвались от нее и воспарили над миром и водой. Он этого добился. Именно такое ощущение возникает, когда впервые видишь их.

СЕМЕЙНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Карл Эмиль Вильгельм Миллес родился 23 июня 1875 года в местечке Лагга, неподалеку от Упсалы, в семье военного. Его настоящая фамилия – Андерссон. По словам биографов, отец, будучи человеком строгим и жестким, любил искусство и имел склонность к романтическому. Однако в памяти взрослого Миллеса он остался человеком, к которому в детстве художник не питал никаких чувств, кроме страха.

Из-за недостатка средств в семье Август Эмиль Себастиан Андерссон не смог окончить школу и, как многие сверстники, ещё подростком ушел в море и проплавал шесть лет. В свободные от вахты часы юноша самостоятельно занимался и, когда вернулся домой, в рекордно малые сроки сдал выпускные экзамены за курс стокгольмской мужской гимназии, что даже явилось предметом обсуждения в газетах. Эмиля Андерссона пригласили на высочайшую аудиенцию короля Карла XV, результатом которой стало поступление в военное училище Карлберг. Пять лет спустя молодой офицер подал

Жена Карла Миллеса — Ольга

рапорт о позволении перевестись на службу во французскую армию и в июле 1868 года был зачислен в Императорский Версальский гвардейский егерский батальон. Потом была служба в Алжире, стычки с арабскими племенами, война с Германией, ранение, госпиталь, немецкий плен и побег из него. Вернувшись в Швецию, Андерссон был зачислен в Королевский Упландский полк и женился на Валборг Мариин Тесель, дочери аптекаря. В 1874 году он – не без помощи тестя – обзавелся поместьем Эрбу в местечке Лагга, где годом позже увидел свет будущий скульптор Карл Миллес. К тому времени в семье уже была двухлетняя дочь Руфь, а через четыре года появился ещё один сын, Стиг. Вскоре после этого умерла от скарлатины мать. Отец вдовствовал

недолго и снова женился – на Ольге Сетрин, которая родила ему еще троих детей. Возмущенный столь вопиющим пренебрежением к памяти дочери, старый тесть забрал закладные, выданные им под именование зятя, и Эмиль Андерссон был вынужден объявить себя банкротом. Съехав с Эрбу, он вскоре подал в отставку и перебрался в Гётеборг.

Будучи законченным франкофилом, Эмиль Андерссон дал своим детям французское воспитание. Включая привычки в еде. Старался он привить им и интерес к искусству. Позже Миллес вспоминал, как отец сажал их, четырех-шестилеток, к себе на колени под керосиновую лампу и рассказывал о великих художниках, показывая репродукции их картин: Микеланджело, Рафаэля, Браманте, Донателло, Вероккьо.

Маленький Карл не отличался хорошим здоровьем: он страдал от астмы и рахита, которые забирали все телесные силы. Школа давалась с трудом. Астма мешала дыханию при чтении вслух, другие предметы были просто неинтересны, а какие-то даже вызывали ненависть. Например, история,

где без конца надо было зубрить всевозможные даты. В Стокгольме Миллес жил на квартире у знакомой отца, которая не утруждала себя контролем за его успехами в школе, и в учёбе он был предоставлен самому себе.

Очень часто по утрам Карл отправлялся в порт, где наблюдал за судами, мечтая отправиться в далекие страны, общался с матросами, которые все до одного обещали взять его с собой, но ни один не выполнил данного обещания...

Узнав о страсти сына к морю и вспомнив собственную юность, отец отвел его к знакомому судовому врачу, чтобы тот взглянул на него на предмет пригодности к морской службе. Врач нашёл, что будущий юнга слишком мал и хил, чтобы

можно было говорить о море.

В школе Карлу больше всего нравилась резьба по дереву. Когда ему было четырнадцать, он самостоятельно сделал скрипку. Правда, решив сыграть на ней через год, не смог извлечь из неё ни звука. Из-за плохой успеваемости отец считал Карла тупым. «И за что мне такое наказание: старший сын – идиот!» – услышал как-то юный Миллес разговор родителя с мачехой.

В конце концов Эмиль счел за благо отдать отпрыска учеником столяру-плотнику, у которого была мастерская в Стокгольме. Теперь Карлу надо было ездить к заказчикам за мебелью, варить клей, полировать деревянные детали, бегать в лавку за едой. При этом он начал учиться в технической вечерней школе. Там он делал чертежи мебели, лепил из гипса, что, в свою очередь, помогло сделать следующий шаг – попасть в художественно-индустриальное училище.

Завершив в 1897 году учебу и получив стипендию в 200 крон, Карл решил отправиться в Париж. К тому времени он уже начал работать самостоятельно: вместе с приятелем по технической школе он выполнил тонкую художественную резьбу на дубовых балясинах для лестницы одной из столичных вилл, делал небольшие деревянные скульптуры, которые продавал в лавки местным ювелирам. В Париж его влекли не только мечты о творческом будущем, но и желание вырваться в большой мир, освободившись от семейных уз и незавидного быта.

КАК АНДЕРССОН СТАЛ МИЛЛЕСОМ

В ту пору Франция являлась мировым центром скульптуры. Здесь творило много художников, а еще больше выпускалось из разных художественных школ. Когда Миллес приехал в Париж, у всех на устах было имя Огюста Родена, ныне – колосса искусства, а тогда – еще только противоречивого, но

гениального. Судьба явно благоволила молодому шведу: вскоре он познакомился с мэтром и даже стал его ассистентом.

Надо ли говорить, что давало такое знакомство начинающему скульптору? Поскольку у Родена одновременно было много проектов, черновой каменотесной работой он сам не занимался и поручал ее ученикам и помощникам. Именно с этого и начал у него Карл. Впрочем, приглашение в студию мастера

Полет, движение, отрыв от земли – вот, наверное, главные черты миллесовского стиля.

он получил не случайно: Роден видел его работы, и увиденное ему понравилось. Сам он тоже не сразу стал скульптором: в молодости зарабатывал на жизнь ремеслом декоратора, в том числе на Севрском фарфоровом заводе. Признание пришло уже в зрелом возрасте.

Как и Миллес, Роден плохо учился в школе. Его не интересовало ничего, кроме рисования. В конце концов, он убедил отца отдать его в школу, где готовили художников, ювелиров и декораторов. Полученными там навыками в жизни он перебивался значительно дольше, чем Миллес – ремеслом резчика. Впрочем, можно ли, стоя перед «Мыслите-

лем» или «Поцелуем», «Орфеем» или «Человеком и Пегасом», думать о каких-то отметках и невыученных уроках!..

Говоря о парижском периоде жизни Миллеса, нельзя не сказать о происхождении его фамилии. Уменьшительно-ласкательное от имени отца – Эмиль – было Милле, и детей его звали «дети Милле» – «Миллес барн», где «Миллес» – форма родительного падежа, а «барн» – дети. Оказавшись во Франции, в творческой среде, молодому шведу захотелось немного офранцузиться, и первая часть обобщенно-семейного названия детей Эмиля пришлось как нельзя кстати: в ней было что-то французское. Переместив ударение на второй слог, он стал именовать себя Карлом Миллесом и сохранил это имя до конца жизни.

Известность же Миллесу как художнику принесла работа над памятником Стене Стуре, регенту Швеции, борцу за её независимость, за выход из Кальмарской унии. В 1471 году в битве при Брункеберге он наголову разбил армию датского короля Кристиана I. В 1871 году, когда праздновалось 400-летие этого события, память выдающегося мужа было решено увековечить в камне. Однако прошло еще целых тридцать лет, прежде чем намерения стали превращаться в дела.

В 1901 году был объявлен конкурс на проект памятника. Вместе с еще тремя скульпторами в нем решил принять участие и находившийся тогда в Париже Карл Миллес. На следующий год конкурсная комиссия объявила свое решение: проект Миллеса оказался последним. Однако за Миллеса вступилась «широкая общественность» в лице студентов, не согласившихся с несправедливыми, на их взгляд, оценками и считавших проект Миллеса лучшим из всех представленных. В результате была назначена новая комиссия, которая присудила победу Миллесу и заказала ему эскиз в материале.

Но до того, как каменный Стен Стуре утвердился на отведенном ему месте в центре Упсалы, прошло еще 23 года: случилось это лишь в 1925 году. Общественные вкусы успели поменяться, и многим памятник не понравился. Острословы шутили: «Камня много, а Стуре – мало». По-шведски «стен» означает «камень». Но, так или иначе, именно этот памятник дал Миллесу первую известность.

Другой заметной его работой стала скульптура одного из самых выдающихся шведских королей, Густава Васы, короля-освободителя, короля-реформатора. В отличие от других скульптур

эту Миллес выполнил в цвете. Росписью занималась его жена Ольга. Эскиз в гипсе был сделан в 1905 году. В это время шло строительство Нурдска мюсее, Северного музея, достопримечательности Стокгольма. Архитектору Исаку Густаву Класону миллесовский Васа настолько понравился, что он захотел, чтобы тот украсил собой центральный зал и чтобы было это непременно при открытии музея. О чем и попросил скульптора.

Когда в 1907 году первые посетители переступили порог нового здания, их встретил величавый шестиметровый полихромный король, именем которого что только не названо в Швеции. В парадных, красных с золотом, одеждах восседал он на золотом троне, установленном на мощном пьедестале, одной рукой опираясь на меч, другую – сжав в кулак. Он был выполнен из гипса, и было предложено изготовить такого же из дуба. Из-за дефицита средств дело застопорилось. Гипсового монарха деревянный сменил на посту лишь в 1925 году.

Важной вехой для Миллеса стала его персональная выставка в лондонском «Тейт», которая состоялась в 1927 году и принесла ему уже международную известность.

ТВОРЧЕСТВО КАК ОЩУЩЕНИЕ БЕСКОНЕЧНОСТИ

В 1929 году Миллес впервые посетил США, после чего они с женой задумались об эмиграции. Переезд состоялся в 1931 году. Этому решению способствовали, с одной стороны, оказанный скульптору в Америке прием, а с другой – нелюбовь Ольги к Швеции, где она чувствовала себя дискомфортно. Супруги поселились в пригороде Детройта Блумфилд Хиллз. В находившейся там же художественной школе «Крэнбрук Фаундейшн» Миллесу предложили возглавить отделение скульптуры, где он и проработал 20 лет. В 1945 году Карл и Ольга получили американское гражданство, однако в начале 1950-х решили вернуться в Европу. На сей раз местом жительства они выбрали Рим. Благодарная же «Крэнбрук Фаундейшн» предоставила им квартиру со студией, которую обязалась оплачивать до конца их жизни.

Начиная с 1945 года Миллеса наезжали в Миллесгорден, главным образом, чтобы провести лето. К тому времени дом, парк и прочие постройки уже давно были переданы в дар народу. Это была своего рода северная Эллада с наядами, тритонами,

орфеем, морскими раковинами, игривыми дельфинами и прочими «бегущими по волнам». Изменение изначального стиля завершилось у Миллеса к 1913 году. По крайней мере, так говорят искусствоведы и биографы. Если до этого он использовал преимущественно строгие, прямые линии, то теперь его работы несли на себе отпечаток греческой античности. Особый акцент он

делал на силуэте и поднимал скульптуры высоко в воздух.

Полет, движение, отрыв от земли – вот, наверное, главные черты миллесовского стиля. Если взглянуть на скульптурную группу «Музицирующие ангелы», что в Миллесгордене, то кажется, будто крылатые фигуры лишь на мгновение опустились на колонны на кончики пальцев, чтобы в следующую секунду, оттолкнувшись, вновь унести вверх и закружиться подобно мотылькам в воздушных потоках, подыгрывая себе на трубах и дудочках.

Для меня лично одна из наиболее впечатляющих скульптур Миллеса – «Человек и Пегас», установленная в Дворцовом парке Мальмё. Конь и человек, соединившиеся в дерзновенном полете к обители богов – Олимпу. Это – не конь и всадник, а два равных существа, летящих рядом друг с другом. Человек лишь слегка касается ногой крыла Пегаса, а тот другим крылом почти незаметно опирается на постамент. Никаких других опор нет, иллюзия полета – абсолютная. Как и многие другие, скульптура установлена высоко над землей, и обе фигуры зрители видят на фоне неба. В ясную погоду его синева – само олицетворение бесконечности.

Любовь Миллеса к водной стихии видна в обилии созданных им фонтанных композиций,

Критики назвали Орфея «скульптурным воплощением Девятой симфонии Бетховена».

где вручаются Нобелевские премии. Скульптурная группа этого фонтана состоит из 9 фигур. В центре на возвышении – Орфей с лирой, у его ног – еще восемь скульптур. Лицо одной из них имеет сходство с Бетховеном, что не случайно: для Миллеса этот композитор был олицетворением художественного гения, к которому он сам всё время стремился. Кто-то из критиков назвал Орфея «скульптурным воплощением Девятой симфонии Бетховена». Говорят, что этой оценкой Миллес был особенно доволен.

Как творец он был необыкновенно плодовит. Чтобы понять это, не обязательно объезжать все города и страны, где есть его скульптуры, – достаточно прийти в Миллесгорден.

Здесь же, в созданном им музее, он и похоронен.

Однако рассказ о Миллесе будет неполным, если не упомянуть еще об одной грани его личности – о политических взглядах, проявившихся в благосклонном отношении к германскому нацизму и итальянскому фашизму. Только ближе к 1990-м годам биографы Миллеса начали говорить об этой стороне его жизни. Раньше авторы книг обходили этот вопрос стороной – то ли из нежелания задеть или обидеть родных и близких, то ли из связывавших их дружеских отношений с Миллесом. Сейчас же существуют целые исследования политических и идеологических воззрений художника.

Я не знаю, что говорил – и говорил ли вообще что-либо – Карл Миллес о нацизме после окончания войны, когда миру открылась вся жуть его преступлений. Но, так или иначе, это тоже часть его жизни, особенность характера, черта личности, линия судьбы...

Михаил Буснюк,
специально для «Янтарного моста»